

Правовое пространство: равновесие и отклонения

 Ю.А. Тихомиров

профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Института правовых исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук. Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., 20. E-mail: utikhomirov@hse.ru

 Аннотация

В современном мире происходят крупные изменения в системах и методах правового регулирования. Право не утрачивает своей роли и становится еще более мощным механизмом регулирования и формирования новых состояний в обществе и государстве. Во многом это связано с использованием понятия «правовое пространство», которое позволяет отразить процессы глобализации и укрепления суверенитета государств. С его помощью появляется возможность анализа новых сфер правового регулирования с помощью разных правовых регуляторов и сохранения стабильности и гибкости правовых границ. В статье рассматриваются виды правовых пространств (экономические, информационные и др.) и возникающие при этом спорные вопросы. Раскрывается процесс разновекторного развития права, когда вместо одномерного развития имеет место влияние таких векторов, как подвижная сфера и объем правового регулирования, многоуровневость, институционализация и технизация, разрывы между правотворчеством и правоприменением. В фокусе многомерности находятся исходные корреляции между национальными международными актами, локализацией и саморегулированием. Нормативный поток сопровождается хаотическими правовыми явлениями, разрушающими правовое пространство. Это побуждает искать способы взаимного влияния национального и международного правопорядков, находить противодействие насилию и укреплять механизмы согласования. Миропорядок и основа права формируются в трудных условиях сотрудничества и противостояния разных социальных сил. Существуют разные позиции по поводу правового порядка и мирового порядка. По нашему мнению, национальный правовой порядок строится на основе конституционных принципов и отражает степень устойчивости конституционного строя, которая содержит как общечеловеческие ценности и верховенство права, так и национальные ценности и менталитет. При этом национальный порядок служит составной частью мирового правопорядка на основе: признания общечеловеческих ценностей; согласованного решения глобальных проблем (сотрудничество стран, сохранение климата, безопасность, общие ресурсы планеты, качество государственного управления, демократия, борьба с коррупцией); баланса интересов стран регионов, планеты и соответствующих правовых пространств; устойчивости институтов государств и международных институтов; мирного разрешения споров и конфликтов.

 Ключевые слова

право, правовое регулирование, правовые регуляторы, разновекторность, коллизии, многоуровневое регулирование, правовое пространство, правовые границы, миропорядок.

Библиографическое описание: Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17.

JEL: K10; УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.4.17

Правовое и неправовое — где грани?

В теоретическом плане отечественные науки сравнительно недавно обратились к данной проблематике. До последнего времени лишь в международном праве были разработаны положения о правовых аспектах государственной территории, морского, воздушного и космического пространств. Государствоведы активно стали заниматься проблемами единого пространства в условиях федеративного государства. Другие отраслевые науки не привлекали внимание к проблемам правового пространства, замыкаясь в рамках отраслей законодательства и не видя связей с международными правовыми регуляторами и новыми подходами правового регулирования в условиях виртуальных пространств и использования новых информационных технологий и разных правовых регуляторов. «Загадки» информационного права стали возникать позднее. Право меняется...

Пожалуй, в нашей стране первым крупным исследованием в данной области стала монография сотрудников Института законодательства и сравнительного правоведения¹. Правовое пространство получило системные характеристики в целом и применительно к разным сферам общества и особенно к динамике статуса человека и гражданина. Этому послужило освещение вопросов развития свобод человека в бизнесе, в сферах образования, науки и культуры, в социальных сетях. Шагом вперед стала также XII Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Композиция правового пространства: динамика обновления» в мае 2017 г. Были обсуждены вопросы о новых горизонтах правового регулирования и правовых границах, виртуальные валюты как пример инноваций, правовое пространство в сфере экономических отношений, «кочующие» правовые семьи, право на свободу передвижения.

В ходе исследований можно было убедиться в различном объеме правовых пространств, поскольку в мире существуют пространства «до-правовые» и «вне-правовые», недоступные для правового регулирования. И напомнить о забытой теме — места права среди других социальных норм. Ведь очевидна потребность регулирования внутри сферы государства и в международных отношениях. Наряду с правом действуют, во-первых, политические нормы, во-вторых, нравственные, в-третьих, религия, в-четвертых, нормы саморегулирования, в-пятых, технические нормы, в-шестых, нормы самообязательства. Все нормы так или иначе регулируют «земное», воздушное, морское и космическое пространства, плюс невидимые явления Вселенной. Право вступает в разные отношения с другими нормами — оно их признает, допускает, взаимодействует, использует, запрещает, противодействует, и эту динамику нужно исследовать.

Как же определить правовое пространство? Это признанная и регулируемая правом сфера жизнедеятельности людей, организаций и государств. Для правового пространства характерны следующие признаки: а) согласие субъектов права действовать в общих интересах; б) общие цели и задачи в регулируемой жизнедеятельности; в) принципы деятельности людей, организаций и государств; г) установленные стабильные и подвижные правовые грани; д) наличие механизмов обеспечения и защиты единого правового пространства.

Использование понятия «правовое пространство» позволяет глубже понять механизм правового регулирования и его многоуровневый характер. Привычное соотношение правовых актов внутри и вне страны не позволяет выявить многие способности правовых регуляторов и разнообразные социально-правовые статусы и роли людей, ор-

¹ Правовое пространство и человек. М., 2012. С. 18.

ганизаций и государств в различных правовых режимах. Здесь происходит пересечение регуляторов путем подвижного соотношения национальных, международно-правовых норм и иных социальных регуляторов.

Выделим следующие виды правовых пространств по объектам и формам регулирования: а) территориальные — внутри государств, включая федеративные и административные аспекты и экономические и иные регионы; б) экстерриториальные — виды особых правовых зон; в) информационное (виртуальное) пространство, формируемое на основе новых информационных технологий. Речь идет о новом юридико-информационной сфере жизнедеятельности и коммуникаций с новыми задачами и проблемами.

Во-первых, каковы объем и степень регулирования информационных отношений в Интернете, в социальных сетях. Тут много загадок². Во-вторых, как совместить конституционное право граждан на получение информации и заинтересованность государства в защите от проникновения вредных идей, сведений и т.д. В-третьих, как добиться совмещения разных статусных ролей граждан и юридических лиц в традиционном и информационном режимах. В информационное пространство входят составным элементом в иные виды пространств: г) межтерриториальные и надтерриториальные пространства — на основе договоров и информационных связей; д) тематические — экономическое, образовательное, культурное и иные пространства, введенные внутри страны и с помощью актов межгосударственных объединений; е) нейтральные — зоны воздушного и морского пространств; ж) неохваченные — Арктика и ряд островов Океана; з) планетарий — освоение планет и космического пространства. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967; далее — Договор по космосу 1967 г.) установил, что эти планеты не могут быть собственностью отдельных государств, однако их освоение продолжается...

При всей условности предложений классификации становятся очевидными сложность и противоречивость регулируемых пространств, пересечений и коллизий. Субъекты права должны четко представлять себе «правовые паутины» и маршруты допускаемых движений. Однако практика свидетельствует о нормативной путанице и игнорировании регуляторов. Иллюстраций такой тенденции немало. Так, выход Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из Европейского Союза повлек за собой трудные переговоры о новых английских стандартах, о правилах их использования и признания в ЕС, о регулировании статуса англичан на территории ЕС и европейцев в Соединенном Королевстве. Бизнес не хочет лишних барьеров в международной торговле. Другой аспект — выход Соединенного Королевства из ЕС обостряет вопрос о статусе Северной Ирландии и Шотландии и новых границах с Ирландией и ЕС. Кроме того, миграционный кризис в Европе побудил ряд государств ужесточать миграционные требования, возводить стены на границах и т.п. ЕС требует соблюдения квот расселения мигрантов и пытается вводить новые правила.

С понятием и видами правовых пространств органически связан вопрос об их границах. Ввиду разнообразия правовых пространств их границы условно разделить на несколько групп:

а) государственная граница, закрепляющая суверенитет государств и пределы его действия. В России принят Закон «О государственной границе Российской Федерации», устанавливающий режимы ее обеспечения и охраны, пересечения и т.д., и полномочия публичных органов, права и обязанности юридических лиц, граждан. Ответственность

² См.: Терещенко Л.Н., Стародубова О.Е. Загадки информационного права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 156.

за нарушение границы предусмотрена в административном и уголовном законодательствах. Существуют и внутрисубъектные границы между субъектами РФ и административными и муниципальными образованиями. Тут установлены более мягкие режимы территориальных границ деятельности органов, организаций и лиц;

б) международные границы регулируют режимы деятельности государств в морском пространстве (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.), воздушном пространстве (Воздушный кодекс РФ, международные соглашения о Луне и других планетах).

В случаях а) и б) четко фиксируются границы, за пределами которых находится нейтральное или нерегулируемое пространство;

в) спорные территории отражают действия государственных образований, созданных в результате референдумов или военных действий (Южная Осетия, Абхазия, Донецкая народная республика, Луганская народная республика). Конфликт возникает из-за коллизий национальных и международных норм о суверенитете народа, о территориальной целостности государства и др.;

г) границы «закрытых территорий» — анклавов, демфнациональные зоны и т.п.;

д) «договорные границы» определяют деятельность международных организаций и межгосударственных объединений как пределы их легальной компетенции и действия международных и интегративных правовых норм;

е) границы в космическом пространстве не установлены ввиду его неограниченности и неопределенности. Договор по космосу 1967 г. и другие международные акты вводят некоторые ограничения для государств, но не сдерживают их деятельность во Вселенной;

ж) виртуальные границы отражают новый тип развития коммуникаций в мире на основе информационных технологий, Интернета и социальных сетей. Тут возникают новые и трудные проблемы с очевидной открытостью границ причинами их соблюдения.

Формирование и поддержание правового пространства должно отличаться устойчивостью и равновесием. Речь идет о гармоничном сочетании разных уровней регулирования и соблюдения их границ, о правомерных действиях субъектов права на основе системного применения разных регуляторов, о своевременном предотвращении и устранении юридических коллизий. Стабильность национальных правопорядков служит гарантией устойчивости международных отношений, что исключает «гуманитарные интервенции» и прямое или «прикрытое» вмешательство в дела государств.

Равновесие в правовом пространстве нарушается, если политические и экономические интересы отдельных государств начинают преобладать в двусторонних и многосторонних отношениях, когда «ресурсная» целесообразность и стремление к доминированию преобладает в ущерб принципам отношений и договоренностей. Юридические коллизии перерастают в юридические и политико-экономические конфликты, и единое правовое пространство разрушается. Прямое разрушение США и их западными партнерами государственных институтов в Ираке, Ливии и других странах приводит к разрыву правовых пространств и хаосу и открывает дорогу насилию в любой форме.

Тематика правовых пространств нередко служит аргументом в пользу отказа от признания прочных государственных и иных границ. Римский клуб еще в 1960-х-1970-х годах обосновал перспективу постепенного исчезновения госграниц и формирования новых территориально-социальных образований. «Революция сознания» сближает индивидуумов, и государства и право должно отступить³. Ю. Хабермас и другие немецкие

³ Римский клуб. Истоки создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997. С. 7.

ученые доказывают ослабление государственных начал в условиях сетевого права и свободного общения. Различные векторы развития нужно оценивать системно, открывая простор коммуникации на основе суверенитета государств.

Традиционное понятие о границах и пределах деятельности субъектов права находило и находит выражение в известной формуле «действие закона во времени и пространстве». Пространство понимается как территория государства или территории под его юрисдикцией. Это понятно, поскольку одним из признаков государства является государственная территория и ее границы. Но с развитием связей между странами, организациями и людьми в условиях глобализации все чаще применяются понятия «правовое пространство» и «пространство в рамках межгосударственного образования» — экономическое и иное тематическое пространства. Тем самым расширяются сферы деятельности субъектов права и границы их юрисдикций, поскольку пространство уже не отождествляется с государственной территорией.

Понятие «правовое и иное пространство» часто используется в международно-правовых документах и особенно в актах межгосударственных объединений типа ЕС, СЕ, СНГ, ЕврАзЭС, а также в договорных объединениях типа БРИКС, ШОС и др. Так, Экономический совет СНГ 11.09.2015 принял решение «О деятельности электроэнергетического Совета Содружества Независимых Государств в 2011–2014 годах», в котором отмечалась его положительная деятельность в развитии взаимодействия в сфере электроэнергетического пространства. Аналогичная сфера деятельности закреплена за Межправительственным советом по сотрудничеству в строительной деятельности, в развитии рынка.

В законодательстве России и других государств используются понятия «правовое пространство», «экономическое пространство», «образовательное пространство», «культурное пространство». Так, ст. 3.1 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», регламентирующая ответственность органов государственной власти субъектов федерации, гласит: «В случае принятия органами государственной власти субъектов Российской Федерации нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам и федеральным законам и повлекших за собой массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации несут ответственность в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом». Статья 74 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» включает термин «правовое пространство», когда речь идет об ответственности главы муниципального образования и главы местной администрации перед государством. Так, по п. 2 ч. 1 ст. 74 вышеупомянутого закона, «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) издает правовой акт об отрешении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации в случае совершения указанным должностным лицом местного самоуправления действий, в том числе издания им правового акта, не носящего нормативного характера, влекущих нарушение прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству

и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства Российской Федерации, нецелевое использование межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, бюджетных кредитов, нарушение условий предоставления межбюджетных трансфертов, бюджетных кредитов, полученных из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, если это установлено соответствующим судом, а указанное должностное лицо не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда».

В последние годы в утвержденных указами Президента Российской Федерации стратегиях развития информационного общества, государственной политики регионального развития, цифровой экономики и др. предусмотрены правовые, организационные и технические средства формирования и обеспечения правового пространства в регулируемых сферах. Эти меры дополняются посредством сближения национальных законодательств, координации публичных органов и методов поощрения и ответственности за соблюдение единых параметров правового пространства.

Правовое развитие — разновекторность или сближение

В оценке направлений развития национального и международного права наблюдается разнообразие. Но преобладает все-таки подход к развитию права в рамках такой традиционной тенденции, как сближение и своего рода единообразие. Процессы глобализации служат здесь бесспорным аргументом, а активное воздействие международно-правовых актов на национальное право и развитие сравнительного правоведения служат своего рода основными каналами отражения данной тенденции. Так ли это?

Действительно, устойчивое мнение об однолинейном развитии права по принципу «меньше/больше регулирования» служит доказательством аналогичной практики. Но реальные процессы порождают различные правовые взгляды и виды нормативного регулирования. Системный и многофакторный подход к правовой действительности позволяет обнаруживать разные направления правового развития — и совпадающие, и противоречивые, и даже форс-мажорные. Поэтому целесообразно ввести понятие «векторы правового развития», которые позволят находить более обоснованные пути развития, поддерживать позитивные тенденции и ограничивать негативные тенденции в правовой сфере.

Начнем с такого вектора, как влияние различных политических и научных теорий, правовых концепций на правотворчество и правоприменение, на правосознание и поведение. Данное явление явно недооценивается ввиду увлечения «текстовым правом», хотя противоборство идей, доктрин, концепций единой государственной власти и разделения властей, теорий публичного и частного права продолжает оставаться важным вектором. Отсюда и колебания практических курсов признания или недооценки роли государства, преобладания планирования или рыночных механизмов, приоритетов принципов самоопределения народов или территориальной целостности государств. Потеря социальной ориентации в 1990-х годах в России, снижение доверия и к европейским ценностям в начале XXI века служат сигналом к принятию решений.

Расширение, сужение или видоизменение сфер правового регулирования — таковы векторы развития в России и многих странах. Стало привычным рассматривать расширение сфер действия права как проявление прогрессивных тенденций, что и приводит к увеличению правовых массивов и возрастанию в них удельного веса социальных

норм и правил. С другой стороны, учет действия других социальных норм, а также механизмов экономического саморегулирования объясняет практику «нормативных излишеств», «административных барьеров». Но где мера правового регулирования? Какие критерии определяют меру стабильности и изменчивости правовых регуляторов?

Ключевой вектор отражает неумолимое увеличение объема и многоуровневость правового регулирования. Многоуровневость регулирования исследуется в других государствах. Такова книга датского профессора О Хассельбаха⁴, которая совсем не похожа на нашу манеру трактовки отраслей права. Там много системных характеристик страны, конституционных положений взаимодействия с партнерами, внешнерегулятивных норм. Следует упомянуть также книги К. Швобель в том числе «Тенденции конституционализма в глобальной перспективе». У нее совсем другая картина — вырастают международные правовые общности и мета-право, возникают и мета-институты (ООН, Евразийский экономический союз и так далее).

Другой подход обоснован в ее следующей книге — фантастическая концепция, что рушится все, связанное с регуляцией. На месте остатков парламентского, муниципального, судебного и даже международного права, возникает функциональное взаимодействие корпораций либо функциональных объединений: ВТО, МОТ, ВОЗ и т.д.

Принцип верховенства права обосновал расширение права в нашей стране и в других сферах. И в международных отношениях нарастающим потоком идет развитие норм. В Совете Европы в марте 2017 г. появилась интересная разработка — «контрольный список верховенства права». Европейцы пытаются проверять и изучать, как реализуется этот принцип. В Венецианской комиссии готовится схема конституционного мониторинга в Европе. Там 300 вопросов, разбитых на тематические блоки. Какой тут вектор? С одной стороны — расширение правовой регуляции. С другой стороны, опасение, что это не даст нужного эффекта. Здесь все-таки нужно улавливать разное движение. Мы легко берем на веру старые или новые постулаты и столь же легко их игнорируем.

При этом классическое право и прошлых веков, и XXI века легко отбрасывается теми источниками права, которые мы ранее недооценивали — это традиции, обычаи. Враждебная группа ИГИЛ (запрещенная по российскому законодательству) и ей подобные живут отнюдь не по правовым, а скорее по квазирелигиозным правилам. Но ведь это тоже регуляторы.

Вектор увеличения многослойной регулятивности возникает подчас стихийно. Многослойность, с одной стороны, выражает уровень власти и уровень социальной общности. С другой стороны, тот или иной уровень провисает либо давит, мешает реальным процессам и действиям.

Я выделяю также вектор конфликта норм международного и национального права. В ближайшие 50 лет — это столбовая дорога юридической мысли. Но согласование и сближение сопровождаются множеством конфликтов. Одним из них я бы назвал потерю звеньев «правовой цепи», взаимодействия права⁵. Международные структуры сейчас пытаются эти цепочки выстроить, ибо многослойность создает много лишних юридических коллизий. Чем плотнее сталкиваются правовые акты разных уровней, тем труднее их реализовать. Увеличивается объем коллизий. Здесь возникает то, что разра-

⁴ См.: *Hasselbalch O. Labour Law: Denmark. Deventer, 2016. 312 p.*

⁵ См. подробнее: *Влияние международного права на национальное законодательство. М., 2007. С. 289.*

ботчики называют расстановкой актов по их юридической силе, по нарастающей юридической силе или по убывающей юридической силе.

Устойчивый вектор связан с привычным сравнительным правоведением. Ученые-юристы как будто могут быть спокойны, потому что мы живем по классической схеме анализа Спинозы и Рене Давида. Правовая семейственность в анализе многое дает, но здесь есть вялость и информативность. Более 30 лет назад на стажировке в Германии я пытался понять природу турецкой общины под Кельном. Получив подтверждение моих догадок, я счел возможным сформулировать понятие — «кочующая правовая семья». Это национальная община мигрантов. Они живут по своим правовым традициям в имущественных, семейных и иных отношениях, соблюдая государственные правила страны проживания.

Появились новые субъекты и объекты правового регулирования, правового сравнения — межгосударственные объединения⁶, различные союзы, где формируются свои правовые системы. Таков Евразийский экономический союз, где есть «правовая система». Как это изучается, сопоставляется с интегративным содержанием международных норм? Возьмите сравнение норм под давлением такого интегратора, как международная норма, которая «подтягивает» все национальные регуляторы в этой сфере. И Евразийский союз, и ШОС, и БРИКС, и Совет Европы, и Европейский союз по-своему связывают страны-партнеры в регулируемом правовом пространстве. Нужно искать новые правовые решения посредством того, что дает сближение и расхождение позиций в области климата, энергетики, безопасности т.д.

Еще один вектор — меняющееся соотношение между правотворчеством и правоприменением, когда растущий поток правовых актов создает иллюзию реальных изменений правовых состояний и уровня законности в социально-экономических процессах. Между тем правоприменение требует механизма, в котором сочетаются нормативный, институциональный, поведенческий, ресурсный блоки. Без такого комплексного механизма трудно реализовывать цели с помощью взаимосвязанных действий и получать планируемые результаты.

Обратим внимание на вектор «норма или поведение», когда трактовка сугубо «текстового права» ведет к недооценке социальных механизмов действия права. Юридическая социология и юридическая психология оказались в стороне, поэтому отчуждение от права и сохранение правового нигилизма по-прежнему сдерживают формирование «правового человека». Ведь чем больше объем неправомерного поведения, тем меньше объем правомерного поведения.

Я выделяю вектор «норма или поведение», и тут поможет новое словообразование — правословие или правомыслие. Почему сейчас приходится применять резкое понятие «текстовое право»? Оно ведет к недооценке поведенческого фактора.

Правовые акты нужно принимать, без них невозможно действовать. Привожу иллюстрацию: сегодняшний КоАП РФ вырос в объеме. Новая редакция добавит новые составы, т.е. происходит дробление норм. Но теряется самое существенное: правовое сознание, правовая культура, культурологический срез правового регулирования. Где мотивация — личная, внесенная, сформированная под давлением? Это остается в стороне, и у нас почти нет серьезных исследований по вопросам динамики правосознания, правовой культуры, правовых традиций.

⁶ См., напр.: Ландо Д.Д., Самарин В.И. Европейское публичное право. М., 2017. 208 с.; Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2015. 332 с.

Исследования показывают, насколько важен такой «невидимый вектор», как развитие права в среде других социальных норм. В действительности их влияние на стадии правотворчества и, особенно, на стадии правоприменения может менять правосознание и поведение личностей. Поэтому необходимо тщательно изучать способы соотношения права с другими регуляторами — сочетание, допущение, признание, ограничение, запреты. Виды норм порождают разные реакции. Без этого воздействие права на общественные процессы остается скорее внешне-формальным, чем эффективным.

Еще один вектор — в последнее десятилетие в стране и в мире наблюдается резкое увеличение масштабов институционализации⁷. Появляется много новых органов, структур, институтов и процедур на всех уровнях жизни и общества, и личности, и семьи, и профессионального сообщества, и национального, и государственного, и регионально-го. Сейчас эта проблема стоит на практике и в науке. Даже в рамках Евразийского союза очень трудно складываются взаимоотношения институтов с национальными органами. Об этом почти не говорится, но трения и споры чувствуются. В более широких масштабах действует много международных структур в каждой межгосударственной организации — в универсальной, региональной, отраслевой. Такая институционализация порождает много юридических коллизий и противоречий, поскольку каждая структура тянет за собой нормативный шлейф. Эту проблему юристы исследовали недостаточно. Какие отношения и взаимодействия у этих структур? Нужно глубоко исследовать, как национальные институты «встречаются» с международными, и наоборот.

И здесь происходят процессы, которые влияют на разновекторность правового развития. То государство выходит из союза, то страна пытается отделиться (Шотландия). В Италии давно действует движение «За Северную Италию», за создание «республики По». Налицо такой суб-вектор, как противоречивые интеграционные и дезинтеграционные процессы. С одной стороны, наблюдается укрепление связей государств в рамках союзов, межгосударственных объединений, саммитов и форумов. С другой, наблюдается стремление автономных субъектов государств получать статус самостоятельного государства (Абхазия, Приднестровье). В сентябре 2017 г. парламент Каталонии принял закон о референдуме, но правительство Испании обратилось в Конституционный суд с просьбой о признании незаконными действий «сепаратистов», которым угрожают уголовным преследованием. Меняется единое правовое пространство и его границы, и возникают новые правовые загадки.

В правовой сфере все отчетливее виден вектор ее технизации. Опыт правового обеспечения АСУ и ОГАС в 1970-х годах убеждает в перспективности данного вектора, означающего использование правовых способов информатизации на основе новейших технологий, программ правового обеспечения роботизации в стране, технических регламентов и стандартов. Общими проблемами являются процедуры принятия решений в «человеко-машинных системах», легализация электронного документооборота, информационно-правовые режимы деятельности субъектов права и их ответственность. Налицо возможности сужения сфер традиционных процедур и введения электроники. Импульсом служит утвержденная распоряжением Правительства России от 28.07.2017 программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Названные векторы правового развития отражают направления изменений в правовой сфере. Предстоит их оценить с учетом стратегических целей и конституционных принципов, поддерживать позитивные векторы в качестве устойчивых тенденций и

⁷ См.: Государство в меняющемся мире. М., 2012. С. 56.

уменьшать действие отрицательных векторов; наконец, правильно определить корреляцию между целями, правовыми регуляторами и возможным воздействием на объекты для перевода их в новое состояние.

Миропорядок или правовой хаос

Нормативность — важная характеристика общественной жизни. Правовая норма несет в себе информационный заряд, который позволяет фиксировать, регулировать и оценивать поведение личностей и деятельность институтов государства и общества. Нормы создают разнообразные комбинации регулирования. Современное право развивается в условиях, когда невиданную мощь обеспечивает научно-технический прогресс, когда глобализация расширяет границы и объем связей между странами и личностями, когда человеку становится доступна картина мира ввиду использования новых информационных технологий⁸. Государства «обрастают» многообразными внешними взаимодействиями, и право приобретает подчас масштабы специализированного характера ввиду появления новых объектов регулирования. Философия прав и свобод человека и гражданина обостряет национальные чувства и одновременно усиливает гуманитарные основы жизни на планете⁹.

Общие процессы правового развития по-разному отражаются в государствах Европы, Америки, Африки, Азии. Неодинаковы темпы и уровень правовых систем, поскольку циклы правового развития отражают исторические условия каждой страны. Нормативное развитие сменяется кризисами, переворотами, революциями и, соответственно, медленным или быстрым развитием законодательства, консервацией или обновлением правовых регуляторов. Проблема качества законов выходит на передний план в общем механизме совершенствования регулятивной деятельности.

В последние десятилетия в Европе и странах ОЭСР формируется политика «лучшего регулирования», «умного регулирования». Ее направления, принципы и элементы используются в том числе в России¹⁰. Стандарты качества государственного управления, антикоррупционные стандарты, требования, риски регулирующего воздействия, электронное правительство, транспарентность — эти и другие позиции благоприятно отражаются на государственно-правовой деятельности. Более того, обеспечивается сходство и сопоставимость правовых регуляторов, и разработки в ЕС и СЕ в рамках программы «Международное регуляционное сотрудничество» открывают возможность формирования «цепи правовых актов» на национальном и международном уровнях. Это облегчает формирование правовых пространств и способствует их стабильности.

Казалось бы, правотворчество и правоприменение должны развиваться планомерно и гармонично без каких-либо серьезных противоречий. Но в реальной действительности возникают отклонения от концепций и теорий, от нормативных моделей и принятых законов. Отклонения как негативные и позитивные явления отражают отмеченную разновидность развития права и борьбу интересов¹¹. Преувеличенный «однолинейный» взгляд на право мешает понять правовую динамику и подвижность правовых пространств, которую то признают, то изменяют, то разрушают.

⁸ См.: Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. С. 14.

⁹ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 332.

¹⁰ См.: Regulatory Reforms: Implementation and Compliance Regulatory. Berlin, 2014. P. 51.

¹¹ См. подробнее: Правовые модели и реальность. М., 2014. С. 166.

В известной мере условно выделим следующие деструктивные факторы:

- а) различные политические и экономические интересы стран, корпораций, партий и организаций, а также групп и слоев населения (элита, рабочие, этнические группы и т.п.);
- б) допущение юридических коллизий ввиду неглубокой подготовки проектов законов и подзаконных актов, международных договоров, соглашений и рекомендаций;
- в) расширение зоны политических, экономических, социальных и международных конфликтов;
- г) отчуждение граждан от права ввиду его сложности и противоречивости и слабого отражения социальных интересов;
- д) допущение и непризнание неправомерных действий и бездействия либо запоздалые меры публичных институтов при нарушениях прав граждан и отступлениях от международных договоров;
- е) проявление силы как фактора политики, выражающегося в политическом и экономическом давлении, информационных войнах, экономических санкциях и блокадах, прямом нарушении суверенитета государств и вмешательстве в их внутренние дела.

Феномен «право силы» взамен «силы права» опасен разрушением национальных и международных институтов и деформацией правовых пространств.

Все это неизбежно ведет к правовому хаосу, когда ложно понятая целесообразность разрушает правовые системы и механизмы регулирования и заменяет их действие применением других норм — обычаев, традиций и др. Вместо правового пространства неизбежно образуется пространство беззакония, произвола и насилия вопреки ценностям и правопорядку. Международное право и институты могут многое сделать для устойчивой законности в современном мире, хотя всеми признается слабость или «сбои» в виде трансграничной преступности, финансового кризиса, сокрушения экологической стабильности и др. Поэтому правилен вывод о двух сценариях мирового развития — правовом и силовом вариантах. Строгое соблюдение международных принципов и эффективность ООН и других институтов гарантирует результат выбора правового вектора мирового развития¹².

Но нельзя недооценивать взаимосвязь национального и международного правопорядков, иначе параллелизм не приведет к устойчивости правовых пространств. В отечественной научной литературе нередко используются понятия «правовой порядок» и «правопорядок». Первый из них трактуется как постоянная деятельность субъектов права по реализации правовых норм, построенных на внутреннем и внешнем диалоге, и оформленная в данный момент как представление социума о должной модели правового поведения¹³. Но вряд ли диалог и «должное поведение» служат исчерпывающими характеристиками, поскольку в них исчезают властное и иное обеспечение порядка и связь национального и международного порядка.

Отрадно, что в литературе по международному праву давно обсуждают эти вопросы и предлагают разные варианты ответов на вопросы — параллельное развитие национальных и международных правовых систем, нахождение их общих черт, трактовка «суперсистемы» глобального масштаба. Плодотворен разделяемый нами подход к управлению международными процессами, который позволяет использовать разные средства для влияния на процессы в международной сфере¹⁴.

¹² Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 374.

¹³ Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы и актуальные направления исследований // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 5.

¹⁴ Лихачев В.Н. Современные проблемы мироуправления: Российский подход. М., 2009. 400 с.

Понятия и конструкции мирового порядка меняются в ходе исторического развития и отражают условный вес таких факторов, как сила и интересы. Г. Киссинджер с учетом таких факторов характеризует региональный и мировой порядок. Но его порядок для Европы — это плюрализм и баланс сил, для исламизма — хаос, для Азии — конфронтация и партнерство. США отвечают за все человечество и стремятся к мировому порядку по своей национальной модели — американские ценности, институты как универсальный образец¹⁵.

В иностранной литературе обнаруживаются различные подходы к данной проблеме. Немецкие ученые характеризуют современное общество как общество информации, знаний и риска, а американские ученые используют трактовку порядка без права или вообще допускают нарушение всех регуляторов и институтов под давлением супер-экономических трансграничных регуляторов (такова позиция авторов книг «Глобальное административное право»)¹⁶.

К сожалению, в последние годы наблюдаются отход от принципов международного права в позициях и действиях США и их западных партнеров и явное давление узких политико-экономических интересов ради гегемонии в мире и захвата рынков сырья. Между тем, кроме традиционных международных институтов типа ООН, Совета Безопасности и легальных средств сохранения суверенитета стран и мирного решения спорных вопросов, широко используются средства «мягкого права». Так, Давосский мировой экономический форум дал системные оценки тенденций и рисков развития. В 2015 г. — это риски ослабления государственных институтов и роли государств, обострения межнациональных конфликтов, в 2016 г. — акцент на индустриальную революцию в мире и роботизацию, в 2017 г. — риски природные, техногенные и иные¹⁷.

Появляются труды о разных гранях права — то без него обходится порядок¹⁸, то право сращивается с моралью¹⁹. Это очевидные парадоксы. Весьма показательны новые регуляторы национальных и международных отношений в виде норм деклараций саммитов. Так, принятая 4.09.2017 Семэньская декларация руководителей стран БРИКС акцентирует внимание на ключевых проблемах и задачах такого нового феномена, как глобальное экономическое управление и развитие связей и координации стран-участниц. По вопросам политического сотрудничества и сотрудничества в сфере безопасности на этой сессии приняты 40 документов²⁰, по вопросам развития межличностных контактов — 20, по вопросам экономического сотрудничества — четыре и план действий. Какие это документы? Декларация, доклад, соглашение, меморандум, положения, план действий инициаторов, программа «Именной консенсус», совместная статистическая публикация, общая позиция. Закреплены также темы встреч министров, старших должностных лиц, рабочих групп, экспертов.

¹⁵ Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2016. 512 с.

¹⁶ Global Administrative Law: The Casebook. New York, 2012. P. 56.

¹⁷ Эллисон Р. Порядок без права. М., 2017. С. 467.

¹⁸ Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 395.

¹⁹ Фуллер Л. Мораль права. М., 2016. 312 с.

²⁰ Среди которых: Дорожная карта практического сотрудничества БРИКС в обеспечении безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); Положение о Сети модельных электронных портов БРИКС [Электронный ресурс]: // URL: http://brics.mid.ru/document/-/asset_publisher/VmQIT1AUALV/content/samen-skaa-deklaracia-rukovoditelej-stran-briks-samen-kitaj-4-sentabra-2017goda?redirect=%2Fdocuments&inheritRedirect=true (дата обращения: 31.10. 2017)

Как видно, существуют различные позиции по поводу правового порядка и мирового порядка. По нашему мнению, национальный правовой порядок строится на основе конституционных принципов и отражает степень устойчивости конституционного строя, которая содержит как общечеловеческие ценности и верховенство права, так и национальные ценности и менталитет, устойчивый уровень законности. Причем национальный порядок служит составной частью мирового правопорядка на основе признания общечеловеческих ценностей, согласованного решения глобальных проблем (сотрудничество стран, сохранение климата, безопасность, общие ресурсы планеты, качество госуправления, демократия, борьба с коррупцией), баланса интересов стран, регионов, планеты и соответствующих правовых пространств, устойчивости институтов государств и международных институтов, мирного разрешения споров и конфликтов.

Библиография

- Влияние международного права на национальное законодательство. М.: Юриспруденция, 2007. 488 с.
- Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Инфра-М, 2015. 332 с.
- Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. 495 с.
- Ландо Д.Д., Самарин В.И. Европейское публичное право. М.: Проспект, 2017. 208 с.
- Лихачев В.Н. Современные проблемы мироуправления: Российский подход. М.: Вече, 2009. 400 с.
- Правовое пространство и человек. М.: Юриспруденция, 2012. 240 с.
- Правовые модели и реальность. М.: Юриспруденция, 2014. 280 с.
- Римский клуб. Истоки создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы М.: URSS, 1997. 384 с.
- Терещенко Л.К., Стародубова О.Е. Задачи информационного права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 156–161.
- Фуллер Л. Мораль права. М.: Социум, 2016. 312 с.
- Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы и актуальные направления исследований // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 5–16.
- Эллипсон Р. Порядок без права. М.: Институт Гайдара, 2017. 520 с.
- Hasselbalch O. Labour Law: Denmark. Deventer: Wolters Kluwer, 2016. 312 p.
- Regulatory Reforms: Implementation and Compliance. Berlin: Nomos, 2014. 351 p.
- Schwöbel C. Global Constitutionalism in International Legal Perspective. Boston, 2011. 258 p.

Legal Space: Balance and Deviations

Yuri A. Tikhomirov

Professor, Director, Legal Studies Institute, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Juridical Sciences. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation. E-mail: utikhomirov@hse.ru

Abstract

There are major changes in modern systems and methods of legal regulation across the world. The law does not lose its role and becomes an even more powerful mechanism for regulating and shaping new states in society and the state. This is due largely to the use of the concept of “legal space”, which

allows reflecting the processes of globalization and strengthening of the sovereignty of states. With its help, there is possibility to analyze new areas of legal regulation through various legal regulators and maintain the stability and flexibility of legal boundaries. The article deals with the types of legal spaces (economic, informational, etc.) and arising disputes for the different countries. There is the process of multi-vector development of law, when instead of one-dimensional development, there is the influence of such vectors as the mobile sphere and the scope of legal regulation, multi-layered, influence of institutionalization and technization, gaps between law-making and law enforcement. In the focus of multidimensionality there are the initial correlations between national international acts, localization and self-regulation. The normative flow is followed by the chaotic legal phenomena destroying legal space. It causes to look for ways of mutual influence of national and international law and order, to find resistance to violence and to strengthen alignment mechanisms. National regime is a component of international regime due to common values, shared solutions of global challenges, balance of different interests, stable functioning of institutions, peaceful resolution of disputes and conflicts. The world order and the basis of contemporary law are formed in difficult conditions of cooperation and confrontation of various social forces.

Keywords

law, legal regulation, regulators, multi-vector, conflicts, multi-layered regulation, legal space, legal boundaries, world order.

Citation: Tikhomirov Yu. A. (2017) *Legal Space: Balance and Deviations*. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 4–17 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.4.17

References

Chernogor N.N., Pashentsev D.A. (2017) *Pravovoy poryadok: doktrinal'nyye podkhody i aktual'nyye napravleniya issledovaniy* [Legal Order: Doctrine and Urgent Fields of Research]. *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 8, pp. 5–16.

Ellipson R. (2017) *Poryadok bez prava* [Order without Law]. Moscow: Institut Gaydara, 520 p. (in Russian)

Fulliar L. (2016) *Moral' prava* [Moral of Law]. Moscow: Sotsium, 312 p. (in Russian)

Globalizatsiya i integratsionnyye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (2015) [Globalization and Integration in Asian-Pacific Area] Moscow: Infra-M, 332 p. (in Russian)

Hasselbalch O. (2016) *Labour Law: Denmark*. Dordrecht: Wolters Kluwer, 312 p.

Lando D.D., Samarin V.I. (2017) *Yevropeyskoye publichnoye pravo* [European Public Law]. Moscow: Prospekt, 208 p. (in Russian)

Likhachev V.N. (2009) *Sovremennyye problemy miroupravleniya: Rossiyskiy podkhod* [Modern World Order: Russian Approach]. Moscow: Veche, 400 p. (in Russian)

Pravovoye prostranstvo i chelovek (2012) [Legal Space and Human Being]. Moscow: Yurisprudentsiya, 240 p. (in Russian)

Pravovye modeli i real'nost' (2014) [Legal Models and Reality]. Moscow: Yurisprudentsiya, 280 p. (in Russian)

Regulatory Reforms: Implementation and Compliance (2014) Berlin: Nomos, 351 p.

Rimskiy klub. Istoki sozdaniya, izbrannyye doklady i vystupleniya (1997) [Roman Club: Causes of Creation, Selected Addresses] Moscow: URSS, 384 p. (in Russian)

Schwöbel C. (2011) *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. Boston: Little and Brown, 258 p.

Tereshenko L.K., Starodubova O.Ye. (2017) *Zadachi informatsionnogo prava* [Tasks of Information Law]. *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 7, pp. 156–161.

Vliyaniye mezhdunarodnogo prava na natsional'noye zakonodatel'stvo (2007) [Influence of International Law on National Laws]. Moscow: Yurisprudentsiya, 488 p. (in Russian)

Zor'kin V.D. (2013) *Pravo v usloviyakh global'nykh peremen* [The Law in the Era of Global Changes]. Moscow: Norma, 495 p. (in Russian)

Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация

В.Е. Чиркин

профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук. Адрес: 119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10. E-mail: vechirkin@yandex.ru

Аннотация

Основоположники сравнительного системного подхода к изучению права (среди первых были американец Р. Шлезингер, французы Р. Давид и М. Ансель, итальянец Р. Сакко, канадец П. Гленн, позже немцы Х. Кётц и К. Цвайгерт и др.) на рубеже 1960-1970-х гг. совершили прорыв в правовой науке. Они завершили создание основ нового направления сравнительно-правовых исследований, выделили и проанализировали различные правовые общности прошлых веков и современности, назвав последние семьями или системами (англо-саксонская, романо-германская, социалистическая, мусульманская и др.). Им следуют многие российские авторы. Термины «правовая система» и «правовая семья» часто используются как одинаковые, понятия системы и семьи, как правило, не даются, социальная суть основных (глобальных) правовых систем игнорируется. Англо-саксонская семья права и тоталитарная социалистическая правовая система находятся в одной и той же классификационной единице. В статье предлагаются новые подходы и иной синтез правовых систем. Автор использует методы исторического, логического, дедуктивного, индуктивного и сравнительного исследования, формационно-цивилизационный подход и на этой основе выделяет три основные правовые системы современного мира: мусульманскую систему (мусульман более 1,7 млрд. человек), либерально-полусоциальную капиталистическую систему (распространяется на 4,5 млрд. человек, включая многие развивающиеся страны) и тоталитарно-социалистическую систему (1,5 млрд. человек). При выделении правовых семей используется традиционный подход сравнительного правоведения, но с учетом социальных и культурологических правовых особенностей. На этой основе в рамках каждой из глобальных систем выделены правовые семьи. В системе мусульманского права есть фундаменталистская (радикалистская) и модернизированная (продвинутая) правовые семьи, а по другому основанию деления — суннитская и шиитская правовые семьи; в либерально-полусоциальной капиталистической системе — англо-саксонская, романо-германская и другие семьи (современные исследователи называют латино-американскую, скандинавскую и др.); в тоталитарной социалистической системе — ортодоксальная и частично модернизированная семьи.

Ключевые слова

индивидуальные правовые системы государств, глобальные системы, правовые семьи, классификация, капиталистическая правовая система, тоталитарно-социалистическая правовая система.

Библиографическое описание: Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 18–30.

JEL: K10; УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.18.30